

Валентин Колесников

Путь писателя

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.6
ББК 84
К60

Колесников В.

Путь писателя / Колесников В. — Москва: ЛитРес: Самиздат,
2021. — 104 с.

ISBN 978-5-532-99660-1

Для тех, кто мечтает о будущем и не знает, как стать тем, кем
мечтается. Моя книга, основанная на собственном опыте с раннего
детства и по сей день...

ISBN 978-5-532-99660-1

© Колесников В., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Жизнь детства	4
Институт	13
Учреждение УЕ/№ЭН	19
Фальшивомонетчик	63
Армейские будни	80
Итоги	104

Жизнь детства

Я искал для себя выход из той жуткой действительности, которая называется Жизнью, в которую меня обрекла моя несчастная мать. Она была одинокой и родила меня, совсем случайно от заезжего курсанта военного училища. Меня не отдали в детский дом, а жил я в тепле и достатке. Ценою всему этому были истерические выпады матери в мою сторону, причиной ее одиночества – сын. Иногда бабушка говаривала, жалея свою дочь (мою мать): «Была бы утопила в нужнике, вот и не мучилась бы сама, и мальчика бы не мучила». Что постоянно удивляло по мере взросления, почему родительские отношения к моим знакомым одноклассникам, были теплыми и заботливыми, и не мог понять, почему? Через год, когда мне исполнится 7 лет, пойду в первый класс Шпильковской средней школы учиться 11 лет. Мое стремление к писательскому труду зарождалось с самого раннего детства, и этому способствовало то отношение ко мне, в первую очередь матери, самого близкого человека на свете. В дошкольном возрасте, я получал от сверстников всеобщее издевательство, и драки. Взрослое население села завидовало статусу Депутата Верховного Совета Украины 4 созыва, которым обладала мать. И ко мне у сверстников приклеилось прозвище «Депутат». А нелюбовь односельчан к моей матери, ограничивалось только уважительной боязнью, в связи с ее деятельностью. У Ольги Андреевны было много влиятельных в правительстве людей. Однажды после очередной драки, когда сверстники избили меня до синяков, я решил пожаловаться матери, и с нетерпением поджидал ее возвращения из очередного областного партийного собрания. Наконец она появилась к 18 часам, я встретил ее у калитки дома и пожаловался ей за то унижительное обращение ко мне и синяки на лице и теле. Мать нервно дернулась и нарицательно резко сказала тогда: «В следующий раз обязательно скажешь мне, кто тебя обидел? Я за это тому рубль дам!». Мне стало в сто крат обиднее и за мать, и за то, что она не пожалела меня добрым словом, не подсказала, как наладить отношения со сверстниками, а безжалостно оттолкнув этим разго-

вором, заставила почувствовать свое одиночество среди родного и близкого родителя. Как от матерей мои сверстники дети получали бы утешение и уверенность в себе, подсказкой достойно выходить с конфликтных ситуаций, случающихся сплошь и рядом в детском мире сверстников. После разговора с матерью я сильно переживал и страдал от одиночества и стал в своем шестилетнем возрасте анализировать свое отношение к окружающему меня миру. Я не мог понять, как можно было так холодно оттолкнуть меня, ведь к примеру, когда ласточки, что каждое лето прилетают к нам и выют свое гнездо под потолком деревянного коридора, и в то самое время, когда там появляются птенцы, а я на лестнице поднимаюсь к ласточкиному гнезду и смотрю на них, и как ласточка защищает птенцов, нападая на меня? А курица со своими цыплятами, как гонится за мной, когда я хочу поймать цыпленка? Одним словом, мне было обидно за сказанные материнские слова. На следующий день я гулял во дворе. Светило солнце, облака белые и курчавые плыли в синем небе, а воробьи прыгали в ветвях шелковицы, лакомясь спелыми и сочными плодами. Я влез на шелковичное дерево, что росло в нашем дворе возле сарая, в котором жила корова Зорька. Отсюда с высоты, в кругу моих друзей воробушек, что чирикали приветливо мне, как бы приглашая, «Давай к нам, у нас много вкусных ягод, давай присоединяйся!». И я поддавшись их веселому и призывному чириканью поднялся на ветке выше, подальше от этого неприветливого мне мира туда, где сплетение веток было очень удобным, где можно было прислониться спиной и сидеть как в кресле, а ветка, что впереди меня была изогнута, как штурвал у пассажирского самолета, ухватившись двумя руками за этот «штурвал», представлял себя летчиком, направляя свой самолет в небесную синь к облакам, и на душе становилось так спокойно и радостно, что рядом со мной есть эти спелые ягоды шелковицы и стайка друзей воробушек, синее и бескрайнее небо, и белые курчавые барашки облака-странники, плывущие в дальние страны, где бегут широкие реки и плещутся бескрайние моря, и дальние горизонты открываются там. Этот, внезапно развернувшийся передо мной мир, вселил уверенность в мои детские силы, открывал мне радость бытия и вдруг эта материнская

обида исчезла, как будто ее и не было, и мне стало стыдно за себя, и за мать, и за то, что посмел пожаловаться ей, а не нашел самостоятельно выхода из этой ситуации. И там в глубинах моей души я благодарил мать за предоставленный урок выживания. И я сделал выводы, и стал вести себя среди сверстников иначе, не торопясь, рассудительно и по-взрослому давать сдачи, когда требовалось это сделать. Отныне красота Природы вошла, как сказочное открытие бытия, убеждая все больше и больше, что девственная красота, ароматы времен года, открывают свое многообразие оттенков запахов и звуков, проникая в глубины души, и, что никогда не предаст меня это буйство цветения Весной. Желтизна и шуршание опавшей листвы Осенью. Первые заморозки на ставшей вдруг седой зеленой траве, прозрачный тонкий лед на замершем зимнем озере, и погружающий в тишину падающий первый снег Зимой. Эти удивительные картины живой природы, глубоко волновали мое воображение, вселяя безграничную любовь к открывшемуся красот окружающего мира, вселяя покой и уверенность в собственные силы, и что теперь можно легко преодолевать нелюбовь близких людей и не таить в себе зла. Невероятное блаженство от этого открытия придало прилив сил в уверенности в себя самого. Все мелочные обиды растворились в этом буйстве удивительных красот дня, исчезая бесследно. И став школьником, ощущая себя другим человеком, замкнувшись в себе самом, серьезно взялся за учебу. Подтянулся в предметах, с головой отдаваясь школьному образованию всего себя. Позднее, особенно любимому предмету русскому языку, любовь к которому привила мне учительница Савченко Валентина Ивановна, аспирантка заочной кафедры русского языка Московского Университета имени Ломоносова, и проходившая в то время практику в нашей сельской школе, с ее слов, сказанных с гордостью, что ведущим ее кандидатской диссертации по теме «Тихого Дона», является знаменитый писатель Шолохов Михаил Александрович, под его руководством она работала над своей диссертацией...

Знаковая встреча с пришельцами произошла в 10 лет. Летом в августе, подробно эта встреча описана в научно-фантастическом романе Фаетон, Том-2. Эта встреча полностью изменила мировоз-

зрение, так как пришельцы показали мое будущее, и там увидел себя взрослым. Это послужило уроком уверенней чувствовать себя и держаться независимо от сверстников. Одноклассники уважительно относились ко мне. В свою очередь уверенностью в завтрашнем дне, помогало поддерживать авторитет, стараясь выглядеть сильнее и быть успешнее в учебе. Тяга к писательству возникала после чтения фантастического романа «Астронавты» Станислава Лема. Не сложные описания писателем событий на планете, ясными и понятными предложениями. В романе живо представлялись картины происходящих сцен. И дочитав до конца, с интересом дорабатывал в уме продолжение приключений героев. Это был невероятно приятный процесс в первой попытке творчества, но писать мне не хотелось, а вот придумывать продолжение – это другое дело. И со своего 14 летнего возраста, в 7 классе, это стало открытием. Второй книгой, стала книга писателя Теодора Драйзера «Титан». Эту книгу рекомендовал прочитать директор школы Бевза Александр Иванович. Чрезвычайно начитанный человек, обладающий феноменальной памятью. Он сказал, что книга написана сложным языком, что ее будет интересно читать в любом возрасте. Главный герой книги Фрэнк Алджернон Каупервуд финансист с неординарной судьбой, испытывавший подъемы и падения, но обладающий невозмутимым характером, помогающий ему в борьбе за свое процветание и успехи в жизни. Некоторые черты характера этого героя взял за образец, как талисман, помогающий избегать многих невзгод в борьбе с трудностями и конкурентной борьбы складывающихся жизненных ситуаций. И еще однажды учитель Истории своими словами рассказал легенду о древнем философе Диогене, о том, что к нему шли богатые жители города, в котором он проживал за советом по спорным и не разрешимым вопросам, чтобы он написал прошение в суд или дал совет, как разрешить тот или иной спор. Правда учитель украсил свой рассказ заменив историю из жизни раба Эзопа, на свою легенду о Диогене и перенес его место жительства из Греции в предместье Неаполя, но это было не столь важным фактом. История рассказана учителем: «Когда о Диогене узнал самый богатый и влиятельный государственный деятель, то решил познакомиться с

ним и поговорить о государственных делах. Его привели на городскую площадь, сказав, что известный философ проживает в центре города в престижном и богатом районе. Когда туда прибыл интересующийся философом влиятельный государственный чиновник с удивлением не обнаружив дворца, где должен был жить Диоген, он с гневом посмотрел на провожатых, восклицая: – Вы, что обманули меня?! Я не вижу здесь палат Диогена!

– Вот его жилище, почтенный государь, взгляните! – указывая на огромный глиняный сосуд в виде бочки лежащей на боку. Чиновник подошел к бочке и увидел там обросшего бородой и спутанными волосами на голове человека в грязном рубище, вместо чистой одежды, который склонился над чистым листом пергамента и заостренным гусиным пером, макая его в чернильницу, слеplенную из хлебного засохшего на солнце мякиша. Диоген что-то писал, невероятно чистым и каллиграфическим почерком, ровными строчками письма, излагая суть прошения. У его головы стоял глиняный кувшин, доверху наполненный золотыми монетами, знак благодарных богачей за его письма.

– Ты Диоген? – громко спросил подошедший чиновник.

– Господин, не кричите так громко, мне надо закончить письмо в суд. А потом я выслушаю вас. Придите ко мне через час, вон там солнечные часы, посмотрите, когда тень от указателя будет на обеденном знаке, тогда и приходите и я вас выслушаю. – Сказав это Диоген погрузился в сою работу над листком письма. Чиновнику ничего не оставалось, как скрипя сердцем отступить.

Через час чиновник вернулся к бочке один. Диоген, сидя в своей бочке, и не обращал никакого внимания на подошедшего влиятельного господина, прибывшего из Неаполя самой могущественной и грозной державы в том времени.

– Я Сенатор, прибыл к тебе по очень важному делу, а ты, раб не ползаешь предо мной, умоляя о пощаде, за неоказание почестей мне, Сенатору Рима я могу отправить тебя на плаху, где тебе всыпают сто плетей!

Диоген, прищурившись на обидчика, спокойным голосом ответил: – Вот моя грамота вольно отпущенного жителя, подписана Цезарем.

Сенатор развернул свиток скрепленный печатью Цезаря, стал читать, где помимо всего прочего было указано, что за работы во благо и процветание Рима ритора Философа Диогена награждает Рим виллой с участком виноградника и рабами.

– До сих пор не могу поверить, что твоя вилла пустует, а ты предпочитаешь жить, как собака в бочке. Почему так, позоришь наш класс и влачишь жалкое существование.

– Богатство и роскошь вредно для философа, такого, как я. Жить на подаренной вилле я смог всего полгода. Почти утратил способность к философским измышлениям и советы мои стали не давать тех результатов, что требовалось. Сейчас же я счастлив. Ко мне вернулась былая слава и мои советы помогают людям богатым и бедным.

– Ты меня не убедил, убедила твоя грамота, поэтому я буду спрашивать у тебя совет. – С этими словами Сенатор протянул Диогену свой папирус, – Читай, как быть мне с этим?

Диоген стал внимательно читать договор, скрепленный подписями двух Римских Сенаторов: «Сим Корнелий Неапольский, в дружественном споре со мной Сенатором Августом Римским, обещал выпить море, а если он не выпьет море в течении трех дней, то его дом и все его движимое и не движимое имущество переносится Августом во владение от Корнелия Неапольского к Августу Римскому. Под каждой подписью стояли личные печати спорщиков и стояла приписка, что договор составлен в двух экземплярах».

– Август уже обнародовал свой экземпляр договора и передал в Сенат, для разбирательства дела. Что делать мне? Есть ли какой-то выход? Если ты решишь этот вопрос я буду благодарен тебе и твоему городу.

– Ты правильно сделал, что прибыл сюда ко мне, так как в нашем городе есть много нуждающихся и будут рады получить благодарение от Сенатора.

– Ты так говоришь, словно уже имеешь возможность решить этот вопрос.

– Придешь завтра, я дам тебе прошение в Сенат о рассмотрении твоего дела в твою пользу. – Спокойно ответил Диоген.

– Ты смеёшься надо мной, завтра истекает срок, обозначенный в договоре?! – в крайнем изумлении топая ногами стал кричать Корнелий Неапольский.

– Это нам на пользу. Иди отдыхай и ни о чем не беспокойся, придешь ко мне завтра в это обеденное время и не раньше. – С этими словами Диоген полез в свою бочку и оттуда послышался храп.

Сенатор еще потоптался на месте, влез с помощью раба-телохранителя на лошадь и поехал в сторону гостиницы, где остановился утром, раб бежал за своим хозяином и скоро они прибыли к месту. Всю ночь, Сенатор пил крепкое вино и уснул лишь под утро. Раб долго будил Сенатора, и, когда тот проснулся напомнил ему, что пора ехать к Диогену. Корнелий долго соображал, кто такой Диоген и где он находится, пока не осознал, что ему грозит сегодня в Сенате на слушание его дела. Он быстро вскочил на ноги, умылся быстро надел одежду и уже мчался по узким улочкам пригородного к Неаполю городка в сторону центра. Там он застал сидящего на бочке философа, подставляющего лицо солнечным лучам.

– Я прибыл, что скажешь философ? – сразу же, не слезая с лошади спросил у Диогена.

– Вот возьми, – протянул написанное прошение Диоген рабу, – передай хозяину.

Раб осторожно взял исписанный листок пергамента двумя руками и осторожно, как драгоценность поднес к сидящему в седле Сенатору. Тот нетерпеливо схватил пергамент и стал читать, его лицо по мере чтения стало преобразаться. Улыбка засияла на лице, глаза заблестели от радости, даже морщины распрямились.

– О! Ты воистину великий философ, как умело унизил Август сам себя. Теперь над ним будет смеяться даже самый ничтожный раб. – С этими словами, Корнелий соскочил с коня и приблизился к Диогену, обнимая сказал: – Позволь мне тебя обнять, ты спас не только мою